

16 февраля 1979 года

На соискание премии имени Ш. Руставели

ВОЛЯ АКТРИСЫ

«...НАЧНУ С КОНЦА, НО ОН И ЕСТЬ НАЧАЛО».

Белла Ахмадулина.

Начну с конца. С той последней роли Верико Анджапаридзе, которую сыграла она два года назад на сцене родного театра и нынче представлена за ее исполнение на соискание Государственной премии имени Ш. Руставели. Речь идет о роли фру Альвинг в пьесе Г. Ибсена «Привидения».

Не всякая роль в судьбе актера становится предложением и возможностью для его самовыражения. Не всякая роль способствует актерской исповедальности.

Случилось так, что роль фру Альвинг стала для Верико Анджапаридзе и тем и другим. Актриса сыграла ее в момент наивысшего жизненного испытания и предельного напряжения духовных сил, когда, говоря словами поэта, хочется прокричать:

«Но где же дверь? Назад из тупика!»

В жизни Верико Анджапаридзе было немало восхождений на вершины творчества. Это новое восхождение было необычным во всех отношениях. Оно несло в себе не только испытание ее нестареющего мастерства, но и испытание ее профессионального отношения к делу. Оно утверждало еще раз негибкость ее воли и понимание своего долга перед людьми.

В те дни Верико говорила: «Я посвящаю эту роль своему сыну. Я играю в память о нем и в этом нахожу успокоение».

Так мог рассуждать лишь истинный художник. Художник, привыкший идти к славе нелегкими ухабыстыми дорогами, испытывавший не только радость этой славы, но и горечь неосуществления желаемого. У такого художника и впрямь не мог замкнуться круг, не могла иссякнуть его мятущаяся, беспокойная потенция, которая, как и прежде, «отклонялась» от строгой четкости окружности, двигалась вверх по спирали все выше и выше. А самая высшая точка маячила где-то там, впереди, далеко, не давалась в руки, а художник настойчиво устремлялся к ней все с тем же молодым порывом, все с теми же молодыми надеждами так же, как тогда, в самом начале пути...

Все это сказано о Верико. Она именно такой художник — вечно ищущий, вечно устремленный ввысь. С нею всегда и трудно, и легко. Трудно, потому что сама она никогда не предлагает ничего, что могло бы хоть отдаленно намекнуть на возможность какого бы то ни было снижения критерия и норм актерского искусства, его престижа. Потому что пути, которыми она идет к вершинам творчества, всегда труднопроходимы, и нет на них никаких лазеек для облегченного восприятия сценического действия.

Зритель Верико к этому

приучен. Она ведет его за собою по самым сложным извилинам непроторенного, и он, подчиняясь актерской воле, устремляется за ней в этот трудный путь легко и беззаветно. И невдомек ему, этому зрителю, как много сил затрачено актрисой на взятие каждой, пусть маленькой дорожки, каждой, пусть небольшой высоты.

Воля актрисы Анджапаридзе — беспредельна и подчиняет себе огромное множество парадоксально несовместимых оттенков и нюансов ее индивидуальности. Именно благодаря этой актерской воле умеет Верико так щедро и вместе с тем умно расточать свои художнические дары. Беззаветность и беспредельность ее самоотдачи «управляется» всякий раз волей и разумностью, которые неизменно обеспечивают ее сценическим созданием отточенную четкость формы, завершенную гармонию красок, театральную образность сценических решений. И, чем отточеннее способы ее изображений, чем выпуклее и острее их причудливые контуры, тем сильнее, глубже и совершеннее раскрываются полярные грани ее актерского нутра — от трагических взлетов до мягкого, лирического настроения, от мятежной одержимости до несчастливой и скорбной беззащитности. Каждая из этих граней предельна. В каждой из них актриса выражает предел своей раскованности, предел переживаний, предел самоотдачи. И, может быть, именно эта душевная предельность, соединенная с укрупненностью сценической формы, порождает в искусстве актрисы сложный комплекс искусства трагического театра, делает ее одним из немногих его представителей в современном сценическом искусстве.

Верико Анджапаридзе понимает трагедию широко, как борьбу, как преодоление препятствий, как средство избавить человека от трагического в жизни, как

способ породить в нем веру в идеал. Таковыми были все ее лучшие сценические создания — олицетворения мужества, несломленности, веры. Одержимые и сильные, вступали всякий раз ее героини в бой и умели бороться. Любили пылко и преданно и также пылко умели ненавидеть. Для актрисы неважно было, любовь ли это к мятежному Уриэлю или неотразимому Паратову, любовь матери к сбившемуся с пути сыну — изгнаннику или любовь сестры к сестре, ради которой необходимо жертвовать красотой и собственным счастьем, важно, что эта любовь всегда беспредельная, жертвенная, всепоглощающая.

Героини Верико Анджапаридзе гибли, как победительницы в бою, торжествуя свою этическую, нравственную победу, и смерть их звучала грозным вызовом черному миру насилия и зла. В гибели этих героинь всегда было что-то возвышающее прекрасное. Не сложенные и не несчастные, а гордые и величественные уходили они из жизни. И оставались жить.

Они жили и живут в памяти современников. Живут в их делах, поступках, как символ прекрасного.

...Мы начали с конца, с последней роли, сыгранной Верико два года назад. Но именно эта роль вернула ее к жизни. Именно эта роль стала тем Рубиконом, переход через который означал для актрисы, что круг не замкнулся. Кривая движется вверх, рождая в нас, современниках Верико Анджапаридзе, живые и трепетные чувства взволнованности, преклонения, почтительной благодарности, напоминая нам о неискаемости ее творчества.

Да, совсем как тогда, в самом начале...

Этери ГУГУШВИЛИ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Привидения» Г. Ибсена. В ролях В. Анджапаридзе и А. Васадзе.

